
Цена
ДОЛГА
Одно письмо. Один долг.
Одно правило — не отказываться.
18+
Руни Миррор

Руни Миррор

Цена долга

«Автор»
2026

Миррор Р.

Цена долга / Р. Миррор — «Автор», 2026

Валерия Сомова получает письмо, которое меняет всё. Долг отца, сорок два миллиона, и человек, готовый его закрыть. Имя на подписи: Анатолий Словакин. Однако, чем глубже она уходит в его мир, тем сильнее трещат стены. В архиве она находит документы, которых не должно существовать. Чужая подпись на её собственной семье. Голос матери, которая когда-то пыталась защитить её от этого человека.Правила Словакина начинают меняться. Его взгляд задерживается дольше, чем нужно. Его прикосновения, которых он себе не разрешает, становятся всё ближе. И Валерия понимает, что самое опасное в нём не жестокость, а то, как сильно ей хочется узнать, что скрывается за белыми шрамами на его руках.Она дала слово выполнить условия. Но никто не предупредил её, что долг можно заплатить не только деньгами.18+. Книга содержит сцены эротического характера, сильные эмоции, психологическое напряжение и жёсткие сюжетные линии.

© Миррор Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Письмо с печатью. 5
Глава 2. Правила дома. 8
Глава 3. Отдел аналитики. 10
Глава 4. Правило четвертое. 12
Глава 5. Подпись. 14
Глава 6. Тень у ворот. 16
Глава 7. Чужой чай. 19
Глава 8. Прага, которой нет. 21
Глава 9. Тридцать тысяч футов. 24
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Руни Миррор
Цена долга

Глава 1. Письмо с печатью.

Письмо пришло во вторник, и я запомнила это, потому что во вторник у меня всегда пахнет кофе из автомата на первом этаже и никогда ничего не случается.

Конверт был плотный, кремовый, без обратного адреса. Внутри лежал один лист. Четыре строки. Сумма, которую я уже знала наизусть, потому что папа повторял её последние полгода, как молитву, в которую никто не верит. Дата. И подпись, выведенная так уверенно, будто человек ставит её на собственном надгробии: *А. Словакин*.

Я перечитала дважды. Потом сложила лист пополам, потом ещё раз и сунула в карман пальто, как будто от этого он перестанет существовать.

Не перестал.

— Лера, ты в порядке? — Лена стояла в дверях нашей крохотной редакции и держала два стакана. — Ты белая, как вчерашний снег.

— Всё нормально. Мне нужно уйти на пару часов.

— У тебя сдача в четыре.

— Знаю.

Я уже натягивала шарф, когда поняла, что не помню адреса, по которому мне велели явиться. Адреса там не было. Была только строчка внизу мелким шрифтом: *Сегодня, 18:00. Вас встретят.*

Здание стояло на набережной, там, где город заканчивается стеклом и начинается вода. Серое, без вывесок, с одной дверью и охранником, который посмотрел на меня так, будто уже знал мою фамилию и мой долг, и теперь ему просто неинтересно.

— Сомова? — спросил он.

— Да.

— Пятый этаж. Лифт сам знает дорогу.

Лифт и правда знал. Он поднимался плавно, почти бесшумно, и я стояла внутри с ощущением, что меня везут на допрос в очень дорогом костюме. Зеркало на стене отражало женщину в старом пальто с растрёпанной косой. Я поправила воротник и подумала, что выгляжу именно так, как чувствую себя: человеком, которому не оставили выбора.

Двери открылись прямо в кабинет. Без коридора, без приёмной. Огромное окно во всю стену, тёмное море за ним и мужчина, стоящий ко мне спиной.

Он не обернулся.

— Садитесь, Валерия.

Никто не называл меня полным именем, кроме учительницы литературы в шестом классе и мамы, когда та была очень зла. Я села. Кресло оказалось мягче, чем я ожидала, и это меня разозлило.

— Вы Словакин.

— Вы догадались.

Он повернулся. Высокий, темноволосый, в тёмной рубашке с закатанными рукавами. На предплечье, там, где кожа загорелая, сходились несколько тонких белых полос, будто от старого ожога или царапин, которые давно зажили. Лицо спокойное. Слишком спокойное для человека, который только что поставил моего отца на грань.

— Вы понимаете, зачем вы здесь? — спросил он.

— Понимаю, что вы купили долг моего отца.

— Я не покупал долг. Я выкупил его у людей, которые хотели бы, чтобы вы не спали по ночам. Разница есть.

— Для меня никакой разницы.

— Пока.

Он сел напротив, не за стол, а в кресло через журнальный столик, так что между нами оказались только стеклянная поверхность и тонкая папка. Открыл её. Пролистал, будто напоминал себе, что там написано.

— Ваш отец должен мне сорок два миллиона, — сказал он ровно. — Он подписал документы, которые не читал. Вы это знаете.

Я знала. Знала и то, что папа не читает документы с тех пор, как мама ушла. Он подписывал всё, что ему приносили, потому что это был единственный способ заснуть.

— Что вы хотите?

Анатолий Словакин закрыл папку. Посмотрел на меня прямо, и в этом взгляде не было ни похоти, ни жалости, ни злорадства. Был только расчёт, холодный и точный, как будто он уже проиграл этот разговор в голове сто раз и знал все ходы.

— Я хочу, чтобы вы работали на меня, — сказал он. — Год. В моей компании, в моём доме и по моим правилам. Если вы выполните условия, долг обнуляется, а ваш отец получает письменную гарантию, что его никто не тронет.

— В вашем доме.

— Да.

— Это звучит как сделка с дьяволом, — сказала я, и голос у меня вышел на удивление ровным.

Он чуть склонил голову.

— Дьявол бы не предлагал вам выбор, Валерия. Он бы просто забрал отца и не спрашивал.

Внутри что-то дрогнуло. Не от страха. От того, что он был прав, и это было хуже всего.

— А если я откажусь?

— Тогда ваш отец получит визит. Не от меня. От людей, которые не умеют договариваться и которым я уже пообещал, что вопрос будет закрыт до конца месяца.

Тишина повисла между нами, тяжёлая, как мокрое полотенце. За окном ушёл паром, оставив белую полосу на тёмной воде.

— Почему я? — спросила я.

Впервые он не ответил сразу. Что-то мелькнуло в его глазах, быстрое, почти незаметное, и тут же исчезло.

— Потому что вы единственная, кто пришёл сюда сам, — сказал он наконец. — Ваш отец бы не пришёл. Он бы подписал.

— Вы его знаете?

— Знаю достаточно.

Я хотела спросить, что это значит, но вместо этого спросила другое:

— Какие правила?

Он улыбнулся коротко, без тепла, одними уголками губ.

— Первое: вы не задаёте вопросов о том, чем я занимаюсь вне офиса. Второе: вы живёте там, где я скажу. Третье: вы не пытаетесь уйти, потому что уйти вам некуда, и мы оба это понимаем.

— А четвёртое?

— Четвёртое вы узнаете, когда оно понадобится.

Я смотрела на него и понимала, что соглашусь. Не потому, что сильная или смелая. Потому что в конверте лежал лист с папиной фамилией, и я знала, как папа выглядит, когда просыпается от кошмара посреди ночи и не помнит, где находится.

— Мне нужно время, — сказала я.

— У вас до утра.

— Это несправедливо.

— Нет. — Он поднялся и подошёл к окну, снова повернувшись ко мне спиной. — Справедливо было бы, если бы ваш отец не брал деньги у людей, которым нельзя занимать даже в шутку. Но мы живём не в справедливом мире, Валерия. Мы живём в том, где кто-то платит.

Я встала. Колени слегка дрожали, и я надеялась, что он этого не видит. Пошла к двери и остановилась на пороге.

— Словакин.

— Да?

— Если вы хоть раз притронетесь ко мне без моего разрешения, я найду способ сделать так, чтобы вам было очень плохо.

Он не обернулся. Но я видела его отражение в тёмном стекле и видела, как уголок его рта дрогнул, будто я сказала что-то очень смешное.

— Я в этом не сомневаюсь, — сказал он тихо. — Именно поэтому я вас и выбрал.

В лифте я наконец выдохнула. Руки тряслись так, что я не сразу попала ключом в домофон на улице. Перед глазами стояло одно и то же: его спина, его голос и эти белые полоски на загорелой коже, которые я почему-то запомнила лучше всего.

Телефон зазвонил, когда я уже дошла до остановки.

Папа. Голос у него был трезвым и растерянным, как у ребёнка, который потерялся в магазине.

— Лера, — сказал он. — Тут приходили люди. Очень вежливые. Сказали, что ты уже знаешь.

Я закрыла глаза. Холодный ветер бил в лицо, пахло мокрым асфальтом и солью.

— Знаю, пап, — ответила я. — Я всё знаю. Завтра я приеду, и мы поговорим.

— Лера...

— Завтра, пап.

Я сбросила звонок и посмотрела на тёмную воду за оградой набережной. Где-то там, на пятом этаже, мужчина с белыми шрамами на руке уже знал, что я соглашусь. И это было страшнее всего, что случилось со мной за этот день.

Глава 2. Правила дома.

Утром я проснулась от того, что кто-то смотрит. Не в комнату, не на меня. Через дверь. Так смотрят охранники, когда ждут, что ты сделаешь неверный шаг.

Так и было. Под дверью лежал конверт. Без марки, без имени, только моя фамилия, выведенная тем же уверенным почерком, что и подпись под долгом.

Машина у подъезда в девять. Соберите то, без чего не можете обойтись. Остальное будет.

Я смотрела на эту строчку минуты три, пока чай в кружке не остыл. Потом пошла к папе.

Он сидел на кухне в той же футболке, что и вчера, и смотрел в одну точку на клеёнке. Перед ним стоял стакан с водой, которой он не пил.

— Пап.

Он поднял глаза и попытался улыбнуться. Получилось плохо.

— Ты поедешь, — сказал он. Не спросил.

— Поеду.

— Лера, я не хочу, чтобы ты...

— Ты не хочешь, чтобы я расплачивалась за то, что ты подписал, не читая. — Я села напротив. Голос вышел жёстче, чем я хотела. — Я знаю. Я тоже не хочу. Но я уже здесь, пап. Так что давай договоримся, как жить дальше.

Он молчал долго. Потом протянул руку через стол и накрыл мою ладонь своей. Пальцы у него были холодные и слегка дрожали.

— Прости меня, — сказал он тихо.

Я не ответила. Просто сжала его руку, и мы сидели так, пока за окном не зашумела первая машина.

Чёрный внедорожник ждал у подъезда, и водитель, молодой мужчина с короткой стрижкой и лицом, которое ничего не выражало, открыл передо мной заднюю дверь.

— Меня зовут Тимур, — сказал он, когда мы тронулись. — Если понадобится что-то, пишите мне. Не ему. Мне.

— Почему?

— Потому что он занят.

Я хотела спросить, что это значит, но он уже включил радио, и в салоне зазвучала тихая музыка, которую я бы, наверное, никогда не выбрала сама.

Дорога заняла сорок минут. Город менялся за окном: серые панельки уступили место старым кирпичным домам, потом пошли дачные посёлки, потом лес, и наконец впереди показались ворота. Не высокие, но тяжёлые, кованые, с узором, похожим на переплетённые ветки.

Дом стоял в глубине участка. Современный, из светлого камня и тёмного дерева, с огромными стёклами, в которых отражались сосны. Ни одного лишнего украшения. Только тишина, которая давила на уши сильнее, чем городской шум.

Тимур открыл дверь и кивнул на порог.

— Ваша комната на втором этаже. Вещи уже там.

— Какие вещи?

— Которые вам нужны.

Я посмотрела на него, потом на дом, потом снова на него.

— Вы серьёзно?

— Вполне.

В комнате действительно лежали вещи. Моя одежда, которую я не покупала. Мои книги, которых не было у меня дома. Мой ноутбук, которого я точно не оставляла в редакции. И записка на столе, написанная тем самым почерком:

Здесь нет ничего, что вы не можете себе позволить. Кроме одного: выйти без моего ведома. Обед в час, внизу. А.С.

Я села на край кровати и уставилась на записку. Внутри всё кипело. Не от страха даже, а от того, что он всё продумал. Вплоть до моих любимых книг.

Ровно в час я спустилась вниз. Стол был накрыт на двоих, но в столовой сидел только он. Анатолий Словакин сидел спиной к окну, в светлом свитере, с чашкой кофе в руке, и на этот раз он смотрел прямо на меня, когда я вошла.

— Садитесь, Валерия.

— Вы опять командуете.

— Я предлагаю. Командовать я начну позже.

Я села напротив. Еда пахла так, будто её готовил кто-то, кто любит это делать. Я не стала ничего трогать.

— Правило первое, — сказал он, не дожидаясь вопроса. — Вы не спрашиваете о моих делах вне офиса. Я не спрашиваю о вашей жизни, которой у вас больше нет. Мы квиты.

— Это не справедливо.

— Вы снова об этом.

— Потому что вы всё время это повторяете.

Он поставил чашку и чуть наклонился вперёд. Не угрожающе. Внимательно.

— Вы злитесь, — сказал он. — Это правильно. Злость поможет вам не сломаться. Только не давайте ей решать за вас.

— Вы психолог?

— Нет. Я просто давно понял, что злые люди выживают лучше.

Я хотела съязвить, но он уже поднялся из-за стола.

— Завтра в восемь вас отвезут в офис. Будете работать в отделе аналитики у Кирилла Жукова. Он знает, что вы придёте. Он не знает, зачем. Не пытайтесь это выяснить сами.

— Почему?

— Потому что тогда вы начнёте думать, что я вам лгу. И будете правы. Но не сейчас.

Он вышел. Я осталась одна со стынущей едой и странным, почти неприятным ощущением, что он только что признался в чём-то, но я не поняла, в чём именно.

Вечером я спустилась на кухню за водой. Дом был пуст, или так казалось, пока я не услышала тихий звук из-за приоткрытой двери в дальнем конце коридора. Не разговор. Не музыка. Что-то похожее на то, как человек тяжело дышит, когда пытается не заплакать.

Я остановилась. Рука сама потянулась к ручке.

Дверь распахнулась раньше, чем я успела её коснуться.

Анатолий стоял на пороге в одной футболке, и на его предплечьях в свете коридорной лампы белые полосы казались ещё ярче. Он смотрел на меня так, будто я только что перешла черту, которую он провёл очень давно и очень тщательно.

— Вы не должны были сюда подходить, — сказал он очень тихо.

— Я думала, вам плохо.

— Мне не бывает плохо, Валерия. — Он сделал шаг вперёд, и я невольно попятилась. — Я просто не люблю, когда меня видят в такие минуты. Идите спать.

Он закрыл дверь. Щелчок замка прозвучал очень громко в тишине коридора.

Я стояла, прижавшись спиной к холодной стене, и понимала, что впервые за этот день боюсь не за отца. Боюсь за себя. И за то, что мне, кажется, совсем не хочется бояться именно его.

Глава 3. Отдел аналитики.

Офис Словакина оказался не похож на то, что я придумала по дороге. Никаких стеклянных перегородок, никаких вечно звонящих телефонов. Этаж был тихим, почти библиотечным, и люди на нём двигались так, будто боялись разбудить кого-то, кто спит прямо под полом.

Тимур довёз меня до двери с табличкой «Аналитика» и не вышел из машины. Просто сказал: — Вас ждут. Не опаздывайте.

Я опоздала на три минуты. Не нарочно. Просто на парковке перепутала входы, и охранник заставил меня пройти через рамку дважды.

Кирилл Жуков встретил меня у окна. Невысокий, в очках с тонкой оправой, с кружкой, на которой было написано «Лучший папа в мире». Кружка выглядела так, будто её подарили в шутку, а он оставил из упрямства.

— Валерия Сомова, — сказал он, не протягивая руки. — Садитесь. Я Кирилл. Анатолий сказал, что вы умеете читать между строк.

— Я работала в редакции. Там это считается навыком.

— Здесь это считается требованием.

Он положил на стол папку. Толстую, с выцветшими уголками. Открыл её и пододвинул ко мне.

— Это годовой отчёт по трём подрядчикам. Цифры не сходятся. Не катастрофически, просто настолько, что кто-то очень старательно это прятал. Ваша задача найти, где именно и почему.

Я листала страницы, и внутри что-то щёлкнуло. Не от цифр даже. От того, что кто-то сделал эту работу так аккуратно, что ошибка выглядела правдоподобно.

— Это не ошибка, — сказала я.

Кирилл поднял брови.

— Нет?

— Нет. Здесь переставлены даты оплаты. Если сдвинуть их на месяц назад, всё сходится. Но тогда один из подрядчиков получил деньги до того, как подписал договор.

Он молчал несколько секунд. Потом снял очки, протёр их краем рубашки и снова надел.

— Ладно, — сказал он. — Это ваша первая победа. Не радуйтесь раньше времени.

— Вы проверяли меня.

— Анатолий проверял. Я только принёс папку.

Имя прозвучало так буднично, что я не сразу поняла, как сильно меня задело, что Словакин уже знает, что я справилась. Или хотя бы думает, что знает.

— Он часто так делает? — спросила я, стараясь, чтобы вопрос звучал безразлично.

Кирилл усмехнулся. Не зло, скорее устало.

— Он делает всё так, чтобы никто не понял, что он делает. Вам с этим придётся смириться.

К обеду у меня болели глаза, а пальцы пахли бумагой и кофе из автомата. Я сидела в углу у окна, где никто не мешал, и выписывала на отдельный листок всё, что не сходилось. Список рос. Кирилл приходил дважды, проверял мои пометки и уходил, ничего не комментируя.

На третий раз он задержался.

— Вы спите с ним? — спросил он вдруг, без всякого перехода.

Я подняла голову так резко, что ручка скатилась со стола.

— Что?

— Вопрос простой.

— Нет, — сказала я. — Я не сплю с ним. И не собираюсь.

Кирилл кивнул, будто именно этого и ждал.

— Хорошо. Потому что если бы спали, я бы не давал вам доступ к этой папке.

— Почему?

— Потому что Анатолий никогда ничего не делает просто так. Но вот что я вам скажу, Валерия. — Он наклонился, и голос стал тише. — Он не тот, за кого его принимают. И не тот, кем хочет казаться. Это не оправдание. Это предупреждение.

Он ушёл, прежде чем я успела что-то ответить.

Я смотрела ему вслед и думала о белых полосках на предплечьях. О том, как Словакин отвечал на вопросы, не отвечая. О записке с почерком, который я уже узнавала с первого взгляда.

И о том, что Кирилл Жуков, судя по всему, знает про него что-то такое, чего не знаю я.

Глава 4. Правило четвертое.

Тимур не стал ждать, пока я спрошу. Он просто открыл заднюю дверь в шесть вечера и сказал: — Сегодня вы едете домой не сразу.

— А куда?

— Он хочет, чтобы вы посмотрели на кое-что.

Мы поехали не в сторону дома. Город остался позади, потом пошли пустые склады, потом длинный забор с колючей проволокой. Машина остановилась у маленького здания без окон, похожего на бывшую котельную. Внутри пахло бетоном, железом и чем-то сладковатым, неприятным, как старые цветы в вазе.

Словакин стоял у дальней стены в тёмном пальто. Один. Без охраны, без телефона в руке. Он смотрел на что-то перед собой, и я не сразу поняла, что именно.

Потом поняла.

На длинном столе лежали коробки. Много коробок, аккуратно подписанных, как в архиве. Некоторые были открыты. В них лежали документы, пачки фотографий, какие-то связки ключей. На одной из фотографий, которую он держал в руке, был мужчина лет пятидесяти с седыми висками и растерянным лицом. Мой отец. Лет десять назад. Ещё с мамой, которая смеялась, отвернувшись от камеры.

— Откуда это у вас? — спросила я.

Он не обернулся.

— Это то, что осталось от людей, которые подписывали такие же документы, что и ваш отец. Двадцать два человека за последние шесть лет. Большинство из них больше не работают там, где работали. Некоторые вообще нигде не работают.

— Вы их... сломали?

— Нет. — Он повернулся, и в его взгляде не было ни капли вины, только усталость, которую я раньше не замечала. — Я их выкупал. Так же, как вашего отца. Только ни один из них не пришёл ко мне сам.

Я смотрела на фотографию в его руке и понимала, что он не лжёт. Или лжёт так правдоподобно, что разницы нет.

— Зачем вы мне это показываете?

— Правило четвёртое.

— Вы сказали, я узнаю его, когда оно понадобится.

— Понадобилось.

Он подошёл ближе, и я невольно отступила к столу. Коробки зашуршали. Словакин остановился на расстоянии вытянутой руки и смотрел на меня так, будто пытался что-то решить.

— Правило четвёртое, Валерия, — сказал он негромко. — Вы никогда не должны верить тому, что я вам говорю, без проверки. Даже этим коробкам. Особенно им.

— Тогда зачем вы мне их показали?

— Потому что вы единственная, кто будет проверять. Остальные просто подписывали.

Тишина в здании стала густой, почти осязаемой. Где-то далеко, за стенами, прошла машина, и свет фар скользнул по бетонному полу и исчез.

— А если я найду в этих коробках что-то, что вас уничтожит? — спросила я.

Он слабо улыбнулся, и эта улыбка впервые показалась мне настоящей.

— Тогда вы будете первой, кто сделает это по-настоящему.

Дома было тихо. Я поднялась к себе, но не легла. Села на пол у окна и смотрела на тёмный лес за стеклом, пока не замёрзли ноги.

Стук в дверь раздался в одиннадцать.

— Вы не спите, — сказал он из-за двери. Не спросил, констатировал.

— Нет.

— Откройте.

— Нет.

Пауза. Потом его голос, чуть ниже, чем обычно:

— Вам незачем меня бояться сегодня, Валерия. Я просто хочу, чтобы вы знали: в той папке, что дал Кирилл, есть страница, которую я не показывал никому. Она про вашего отца. И про вашу маму.

Я вскочила на ноги. Сердце колотилось так, что отдавалось в висках.

— Что вы сделали с моей мамой?

— Ничего. — Он помолчал. — Но она приходила ко мне. Три года назад. Просила, чтобы я не брал долг отца. Я сказал, что это не в моей власти. Она ушла и больше не вернулась.

Я прижалась лбом к двери. Дерево было холодным.

— Почему вы мне это говорите?

— Потому что завтра вы пойдёте к Кириллу и попросите доступ к архиву. Он вам даст. И вы найдёте её подпись. — Голос стал совсем тихим. — Я хочу, чтобы вы были готовы.

Я стояла, не в силах пошевелиться, и слушала, как он уходит по коридору. Шаги были ровными. Ни одного лишнего звука.

Глава 5. Подпись.

Утро началось с того, что я не стала спускаться к завтраку. Сидела на подоконнике в своей комнате, поджав колени к груди, и смотрела, как туман над лесом медленно рассеивается. Он делал это так же неторопливо, как вчера говорил в коридоре. Ни одного лишнего движения.

К девяти я всё-таки спустилась. Стол был накрыт. Словакина не было. На салфетке лежала записка, короткая, как всегда:

Машина в восемь тридцать. Архив у Жукова. Он в курсе. А.С.

Я сложила записку вчетверо и положила в карман. Не потому, что хотела сохранить. Потому что руки должны были чем-то заняться.

Кирилл встретил меня без очков. Лицо у него было усталое, как у человека, который не спал, а просто лежал с открытыми глазами.

— Вам нужен архив за последние пять лет, — сказал он, не здороваясь. — Доступ открыт. Двенадцатый этаж, комната без номера. Пароль на бумажке, которую я вам дам. Документы нельзя выносить, фотографировать тоже нельзя.

— Почему вы так легко это отдаёте?

Он поднял на меня глаза. В них не было ни раздражения, ни насмешки. Только что-то похожее на жалость, которую он тут же спрятал.

— Потому что Анатолий попросил. Впервые за шесть лет он попросил меня о чём-то, что касается конкретного человека.

Бумажку он протянул, не глядя.

Двенадцатый этаж пах пылью и старой бумагой. Комната без номера оказалась узкой и длинной, с металлическими стеллажами до потолка и одной лампой под зелёным абажуром. Стол стоял у окна, за которым висел плотный серый день.

Я села. Пальцы сами по себе легли на край папки.

Внутри были договоры. Много договоров, аккуратно разложенных по годам. Фамилии, суммы, даты. Я листала, сверяя, и почерк мелькал то здесь, то там, но я его не узнавала. Пока не дошла до синей папки с надписью «Сомова, 2019».

Мама подписывала эти бумаги в мои двадцать два. Тогда я была уверена, что она уехала в командировку на север. Так говорил папа. Я верила, потому что хотела верить.

Первым был договор о поручительстве. Сумма небольшая, по тем временам. Подпись отца стояла внизу, размашистая, привычная. А рядом, на полях, маленькими буквами, с мелким нажимом, было выведено:

Прошу не требовать с него больше, чем он может отдать. Т.С.

Я перечитала четыре раза. Потом отодвинула лист и уставилась в стену.

Т.С. Тамара Сомова. Моя мама. Которая ушла из дома, оставив записку на холодильнике: «Не ищи меня, Лера. Так будет лучше всем».

Я тогда ей поверила. И пять лет не задавала вопросов.

Дверь открылась тихо. Я не услышала шагов. Просто воздух изменился, и по коже пробежал холод.

Словакин стоял в дверях. Без пальто, в тёмной рубашке, с руками в карманах брюк. Взгляд скользнул по столу, по раскрытой папке, по листу с маминым почерком и вернулся ко мне.

— Нашли, — сказал он.

Это был не вопрос.

— Вы знали, — сказала я. Голос сел, и я сама себя не узнала.

— Знал, что здесь есть. Не знал, что вы найдёте именно это.

— Почему вы не сказали мне раньше?

— Потому что вы бы пошли к ней. — Он шагнул в комнату и остановился у стеллажа. — А её больше нет в городе. Она уехала в Прагу с человеком, который хотел, чтобы никто не знал, где она. Я помог ей уехать. Это было единственное, что я мог для неё сделать.

— Вы помогли ей... сбежать от моего отца?

— Я помог ей не подписать второй раз. — Он повернулся ко мне. — Ваш отец не знал, что она подписывала поручительство. Он думал, что это сделал кто-то другой. Ваша мама взяла на себя его долг, чтобы он не сел. И когда стало ясно, что деньги не вернуть, она попросила меня вычеркнуть её имя из всех бумаг. Я не смог. Только отложил.

Я сидела неподвижно. Внутри всё гудело, будто в проводах под напряжением.

— И вы держали это в папке, — сказала я. — Пять лет. Ждали, когда я сама это найду.

— Нет. — Он смотрел на меня очень серьёзно. — Я ждал, когда вы будете достаточно сильной, чтобы не сломаться.

— Какого чёрта вы решаете за меня?

— Я не решаю. Я просто не даю вам повода для ошибки.

— Вы играете со мной.

Он покачал головой, медленно, и вдруг стал каким-то очень усталым.

— Валерия, если бы я хотел вас использовать, вы бы давно были в моей постели и не знали бы, почему вам так хорошо. Я выбрал другой путь. Он хуже. Но честнее.

Я почувствовала, как краснею, и разозлилась ещё сильнее. Не на него. На то, что он прав и что это так унизительно.

— Тогда скажите мне прямо, — сказала я. — Она жива?

Словакин помолчал. Потом сказал тихо, очень ровно:

— Да. И она просила передать вам одну вещь.

Он достал из внутреннего кармана маленький конверт и положил на стол рядом с моей рукой. Не отдал. Просто положил.

— Прочтёте дома, — сказал он. — Не здесь.

Он вышел раньше, чем я успела ответить. Шаги удалялись по коридору, и на этот раз я слышала каждый.

Конверт лежал на столе. Белый, без подписи, с маленькой вмятиной от его пальца на уголке.

Я смотрела на него очень долго.

Глава 6. Тень у ворот.

Конверт я не открыла ни в машине, ни за ужином, ни в своей комнате. Он лежал на подоконнике, прижатый горшком с каким-то сухим растением, которое не поливали, наверное, со дня моего приезда. Я видела его каждый раз, когда поворачивалась к окну. Это раздражало, но уйти от этого взгляда было невозможно.

Вечером позвонил папа.

— Лера, — сказал он. — Тут опять были люди. Не те, вежливые. Другие. Спрашивали, где ты.

Я застыла посреди комнаты.

— Ты где сейчас?

— Дома. Я закрыл дверь на все замки. Но они ходят вокруг. Смотрят в окна.

— Пап, слушай меня. Ничего не открывай. Никому. Позвони в полицию, если они подойдут.

— Я не могу звонить в полицию, Лера. Они с ними... — Он запнулся. — Ты понимаешь, о чём я.

Я понимала. И от этого стало ещё хуже.

— Я приеду, — сказала я. — Скоро.

— Не надо. Пожалуйста. Сиди там.

Он повесил трубку первым.

Тимур ждал у ворот. Не в машине, а на улице, в куртке, с руками в карманах. Увидев меня, он сразу шагнул вперёд.

— Вы никуда не поедете.

— Мой отец сидит один с людьми, которые ходят вокруг его дома.

— Знаю. Поэтому вы никуда не поедете. Он уже в пути.

— Кто?

Тимур посмотрел на меня так, будто я задала глупый вопрос.

— Анатолий Владимирович.

Я хотела возразить, но Тимур уже распахнул переднюю дверь джипа, и я села, не понимая, почему подчиняюсь.

Дорога к городу была тёмной, пустой. Фары выхватывали из ночи мокрые стволы сосен и редкие дорожные знаки. Тимур вёл быстро, но не нервно. Словно каждое движение было заранее отрепетировано.

Когда мы свернули на улицу, где жил папа, я увидела машины. Две чёрные, без номеров на переднем бампере, стояли у соседнего дома. Фонари горели тускло. В окне папиной квартиры на третьем этаже не было света.

— Ждите, — сказал Тимур и вышел.

Я не стала ждать. Открыла дверь и выскочила на улицу, прежде чем он успел обернуться.

Подъезд встретил меня запахом сырой краски и кошек. Лестница была узкая, с выбитыми ступенями. Я поднималась, держась за перила, и слышала, как где-то наверху хлопнула дверь.

На площадке третьего этажа стоял мужчина. Здоровый, в кожаной куртке, с руками, опущенными вдоль тела. Он смотрел на дверь папиной квартиры и не замечал меня.

Потом заметил.

— Девушка, вам сюда нельзя.

— Это моя квартира.

Он усмехнулся, медленно, неприятно.

— Ваш папа нам задолжал. Вы же понимаете, что это не ваше дело.

Я сделала шаг назад. Потом ещё один. Внутри всё сжалось, но ноги держали.

— Отойдите от двери, — сказала я.

— Или что?

Я не успела ответить. Сверху, из пролёта, раздался спокойный голос, который я узнала бы из тысячи других:

— Или вам придётся объяснять мне, почему вы здесь, Громов.

Словакин спускался по лестнице без спешки. Тёмное пальто, руки в карманах, лицо ничего не выражало. Он остановился рядом со мной, не глядя на меня, и смотрел только на мужчину в кожанке.

— Анатолий Владимирович, — пробормотал тот, и я впервые услышала в его голосе страх. — Мы просто говорили.

— Вы говорили с моей сотрудницей у двери её отца. Без моего разрешения.

— Она сама...

— Вы свободны, Громов. Скажите тем, кто вас послал, что долг отца Сомовой закрыт. Письменно. Завтра утром. Если хоть один из ваших людей появится здесь ещё раз, я вспомню, кто вас прислал, и это будет последнее, что вы вспомните.

Громов выругался сквозь зубы, но спорить не стал. Прошёл мимо нас, не глядя, и спустился вниз. Хлопнула дверь подъезда.

Словакин повернулся ко мне. Впервые за весь вечер я увидела, что у него дрожат пальцы. Совсем чуть-чуть, почти незаметно.

— Вы не должны были приходить сюда одна, — сказал он тихо.

— Вы не должны были мне врать о маме.

— Я не врал.

— Вы молчали. Это одно и то же.

Он смотрел на меня долго, и в его глазах что-то менялось, медленно, как лёд на реке в марте.

— Да, — сказал он наконец. — Это одно и то же. Простите.

Я не ожидала этого слова. Оно прозвучало так непривычно, что я на секунду забыла, что злюсь.

Дверь папиной квартиры скрипнула. Папа выглянул, бледный, в растянутой футболке, и увидел нас обоих.

— Лера... — Он осёкся, глядя на Словакина. — Это он?

— Это он, пап, — ответила я. — И он, кажется, не такой уж чудовище, каким хотел казаться.

Словакин не улыбнулся. Но уголок его рта дрогнул, совсем чуть-чуть.

Когда мы вернулись в дом, было уже за полночь. Конверт всё ещё лежал на подоконнике. Я смотрела на него, держа руки в карманах куртки, и не решалась подойти.

Словакин стоял за моей спиной, в дверях.

— Откройте, — сказал он. — Или я открою сам.

— Вы же сказали, что не давите.

— Я сказал, что не даю повода для ошибки. Сейчас это уже не ошибка, Валерия. Это ваша мама. И ваш отец. И ваша жизнь. Вам не нужно нести это одной.

Я взяла конверт. Руки дрожали, но я вскрыла его одним движением.

Внутри лежал один листок. Тот же почерк, который я уже знала. Мелкий, с нажимом на каждой букве.

Лерочка. Если ты читаешь это, значит, он тебя нашёл. Не ненавидь его слишком сильно. Он не тот, кем кажется, и уж точно не тот, кем я хотела бы, чтобы ты его считала. Береги себя. И отца береги, он этого не заслужил, но ты всё равно его любишь. Мама.

Я опустила лист. Словакин молчал. Потом тихо сказал:

— Она просила, чтобы я сказал вам это вслух, если вы не поверите бумаге.

— Зачем?

— Потому что ей было важно, чтобы вы услышали его голос. Хотя бы один раз.

Я посмотрела на него. Он стоял, не приближаясь, с руками в карманах брюк, с лицом, которое больше не было каменным.

— Ваш голос, — сказала я. — Вы сказали.

— Да.

— Спасибо.

Он кивнул. И впервые за всё время, что я его знала, ушёл не первым. Остался стоять в дверях, пока я не села на край кровати и не выдохнула.

Глава 7. Чужой чай.

Простуда началась на третий день после той ночи у папиного подъезда. Сначала просто першило в горле, потом заложило уши, потом я проснулась с ощущением, что кто-то набил мне голову ватой и забыл предупредить.

Встать я не смогла. Только села на кровати, посмотрела на окно и поняла, что сегодня мир обойдётся без меня.

Через полчаса в дверь постучали. Я не ответила. Через минуту — снова.

— Валерия.

— Я сплю.

— Вы не спите. Вы говорите.

— Это во сне.

Дверь открылась. Словакин стоял на пороге с кружкой в руке и смотрел на меня без всякого выражения. Потом шагнул внутрь и поставил кружку на тумбочку.

— Пейте.

— Что это?

— Чай.

— Я вижу, что чай. Что в нём?

— Лимон, мёд, имбирь. И ещё что-то, что заваривала моя бабушка. Я не знаю, как это называется по-русски. — Он помолчал. — По-татарски тоже не знаю. Она просто говорила «от головы».

Я села повыше, натянув одеяло до подбородка. Голова гудела. Пить почему-то хотелось.

— Вы не должны заходить в мою комнату.

— Я постучал.

— Я не сказала «входите».

— Вы сказали, что спите. Я решил, что вы в бреду и не отвечаете за слова.

Он сказал это совершенно серьёзно. Я фыркнула — или попыталась, потому что горло тут же отозвалось болью.

Чай был горячим, крепким и пах травами, которых я не знала. Я сделала глоток. Потом ещё один.

— Неплохо.

— Это не «неплохо». Это единственное, что моя бабушка умела делать идеально.

Он отошёл к окну и встал там, глядя на лес. Не уходил. Я ждала, что он скажет что-то ещё, но он молчал так долго, что я успела допить половину кружки.

— Почему вы не уходите? — спросила я.

— Потому что вы больны.

— У вас есть дела.

— Есть.

— И?

— Они подождут. — Он повернулся. — Я редко ошибаюсь в людях, Валерия. Но в вас я ошибся дважды. Сначала решил, что вы сломаетесь за неделю. Потом решил, что вы уйдёте после архива.

— И что теперь?

— Теперь я перестал решать заранее. — Он помолчал. — Это неудобно. Я не привык.

Я посмотрела на него поверх кружки. В утреннем свете он выглядел старше, чем вечером, и усталым. И ещё — впервые — не опасным.

— Расскажите про шрамы.

Он не ответил сразу. Потом поднял руку и посмотрел на предплечье так, будто видел эти полоски впервые.

— Мне было девятнадцать, — сказал он. — Я работал на человека, который считал, что долги надо выбивать из людей. Не деньгами. Огнём.

Я перестала пить.

— Вы были...

— Я был тем, кто держал. Не тем, кто подносил. — Он опустил руку. — Один раз я отказался. Мне объяснили, что отказ стоит дороже.

— И вы ушли?

— Через год. — Он смотрел в окно. — За этот год я выучил одну вещь, которую потом использовал всю жизнь. Люди, которые причиняют боль, почти всегда делают это потому, что кто-то когда-то причинил её им. Это не оправдание. Это просто объяснение, и оно помогает понять, чего от них ждать.

— Вы поэтому выкупаете долги?

— Я поэтому выкупаю долги.

Тишина повисла мягкая, не тяжёлая. Такая бывает в комнате больного, когда все уже сказали главное и можно просто дышать.

— Спасибо за чай, — сказала я.

— Не за что.

Он вышел и прикрыл за собой дверь. Я слышала, как он идёт по коридору, и на этот раз шаги были медленнее обычного.

К вечеру температура спала. Я лежала, глядя в потолок, и думала о том, что впервые за много лет кто-то приготовил мне чай, когда я болела. Папа в такие моменты просто приносил таблетку и уходил, потому что не умел иначе. Мама умела, но её не было уже пять лет.

А Словакин — умел. И это было страннее всего.

Глава 8. Прага, которой нет.

Через неделю он вошёл в столовую не с папкой, а с двумя билетами.

— В пятницу мы летим в Прагу, — сказал он, садясь напротив. — На два дня.

Я отложила вилку.

— Зачем?

— У меня встреча. У вас — мать.

Внутри всё оборвалось и полетело вниз.

— Вы нашли её?

— Она нашла меня. — Он пододвинул ко мне билет. — Позвонила на прошлой неделе. Сказала, что готова поговорить. И что хочет видеть вас.

— Почему она не позвонила мне?

— Потому что у неё нет вашего номера, Валерия. Она не знает, что вы в моём доме. И не знает, что вы знаете о ней.

Я смотрела на билет. Ровный шрифт, дата, время. Всё такое обыкновенное, будто речь шла о поездке в соседний город.

— А если я не хочу?

— Тогда мы не полетим.

— Вы серьёзно?

— Я не беру людей в поездки против их воли. — Он взял свою чашку. — Но я думаю, вы полетите. И не потому, что я вас заставляю. Потому что вы пять лет задавали вопрос, на который теперь можете получить ответ.

Он был прав. Он всегда был прав, и это раздражало больше всего.

Прага встретила нас дождём. Мелким, тёплым, почти невидимым, таким, от которого не раскрывают зонт, а просто идут и мокнут.

Отель стоял в старом квартале, на узкой улице с булыжной мостовой. Словакин поселил меня в отдельном номере, а сам ушёл на встречу, даже не сказав, куда.

Мама ждала меня в кафе на другой стороне реки. Маленьком, с тремя столиками и витриной, за которой лежали пирожные, похожие на маленькие торты.

Я узнала её сразу. Она сидела у окна, в сером пальто, и держала чашку обеими руками, как держат, когда холодно. Постарела. Похудела. Волосы были коротко подстрижены, и это было самое чужое в ней — у мамы всегда были длинные.

Я села напротив. Она подняла глаза.

— Лерочка.

Голос был тот же. И от этого стало невыносимо.

— Привет, мам.

Мы молчали, наверное, целую минуту. Официант принёс мне кофе, который я не заказывала.

— Я не знала, что ты у него, — сказала она наконец. — Он не сказал. Только что ты жива и что ты... что ты в порядке.

— Я в порядке.

— Ты выглядишь уставшей.

— Я болела.

— Он за тобой смотрел?

Вопрос был странный. Не «как ты живёшь», не «как отец». Она спросила, смотрел ли за мной Словакин.

— Смотрел, — сказала я. — Сварил чай.

Мама слабо улыбнулась, и в этой улыбке было столько всего, что я не смогла разобрать.

— Он всегда так делает, — сказала она. — Когда ему страшно, он начинает заботиться. Это единственное, что он умеет.

— Тебе было страшно с ним?

— Мне было страшно без него. — Она поставила чашку. — Лера, я должна тебе сказать одну вещь, и ты, пожалуйста, не перебивай, потому что я репетировала это пять лет и всё равно не знаю, как правильно.

Я кивнула.

— Я ушла не от твоего отца. Я ушла от себя. — Она смотрела в стол. — Когда я подписала то поручительство, я думала, что спасаю семью. Потом поняла, что спасаю только его, а тебя оставляю одну с человеком, который не умеет жить трезвым. Я пришла к Анатолию и попросила вычеркнуть меня из бумаг. Он сказал, что не может. Тогда я попросила помочь мне уехать.

— И ты уехала. И оставила меня.

— Да. — Она подняла глаза. — И это было самое трусливое, что я сделала в жизни. Я знаю. Я не прошу прощения, Лерочка, потому что его нельзя выпросить. Я просто хочу, чтобы ты знала: я не бросала тебя из равнодушия. Я бросала из страха.

За окном прошёл трамвай, красный, с жёлтой полосой. Дождь усилился, и по стеклу поползли капли.

— Он тебя любит, — сказала мама вдруг.

— Кто?

— Анатолий. — Она сказала это спокойно, как говорят о погоде. — Он не умеет иначе. Он не скажет. Он будет выкупать долги, варить чай и молчать. Но если ты спросишь его прямо, он ответит.

— Ты его знаешь?

— Я знаю его двадцать лет, Лера. Я знала его до тебя, до твоего отца, до всего. — Она усмехнулась. — Мы вместе работали. Много лет назад. Потом он выбрал другую дорогу, и я не пошла за ним.

Я смотрела на неё и понимала, что не знаю эту женщину. Совсем. Ни капли.

— Почему ты не сказала мне раньше?

— Потому что ты была ребёнком. А потом уже было поздно.

В отель я вернулась поздно. Словакин ждал меня в холле, в кресле у камина, с книгой, которую не читал.

— Поговорили?

— Поговорили.

— Она сказала что-нибудь про меня?

Я посмотрела на него. Впервые он задал вопрос, ответ на который ему был по-настоящему важен. И это было видно. По тому, как он держал книгу, не перелистывая.

— Сказала, что ты не умеешь иначе.

Он опустил глаза. Помолчал.

— Она права.

— Она сказала, что ты не скажешь. Но если спросить прямо, ответишь.

Он поднялся. Книга осталась лежать на кресле, раскрытая на одной и той же странице.

— Тогда спрашивайте прямо, Валерия.

— Не сейчас.

— Почему?

— Потому что я не хочу получить ответ, который ты дашь из вежливости.

Он долго смотрел на меня. Потом кивнул, и в этом кивке было что-то похожее на уважение.

— Хорошо, — сказал он. — Спросите, когда будете готовы. Я подожду.

И пошёл к лестнице. Я смотрела ему вслед и думала, что впервые за всё время он сказал что-то, во что я поверила без проверки.

Глава 9. Тридцать тысяч футов.

Обратный рейс задержали на два часа, и к моменту посадки я уже не различала, где заканчивается усталость и начинается пустота.

Словакин сидел у окна. Я — у прохода, и между нами было пустое кресло, которое он выкупил, чтобы никто не сел рядом. Не спросил. Просто сделал.

Когда самолёт набрал высоту, свет в салоне притушили, и я поняла, что держусь на последнем дыхании. Голова гудела. Разговор с мамой прокручивался в голове обрывками, как плохо записанная плёнка: «я ушла от себя», «он не умеет иначе», «спроси прямо».

Я закрыла глаза на минуту. Всего на минуту.

Очнулась от того, что моя голова лежала на чём-то твёрдом, и это твёрдое медленно поднималось и опускалось. Плечо. Его плечо. Он сидел, не двигаясь, с книгой в руке, и страница была открыта на том же месте, что и в холле отеля.

Я выпрямилась слишком резко.

— Простите.

— Спите.

— Я вам мешаю.

— Вы весите шестьдесят килограммов и дышите через нос. Это не мешает.

Я посмотрела на него. В полутьме салона лицо было мягче, чем днём, и от этого казалось чужим.

— Сколько я так просидела?

— Сорок минут.

— А вы?

— А я держал книгу.

Он не сказал «и не читал». Но это было слышно.

Я откинулась в кресле и закрыла глаза снова. И на этот раз не стала сопротивляться, когда моя голова снова легла на его плечо.

Дома всё было по-другому. Не сильно, но я замечала каждую мелочь, как человек, который долго жил в темноте и вдруг получил свечу.

Он стал задерживаться в столовой после ужина. Не разговаривал — просто оставался, с чашкой, пока я доедала. Иногда спрашивал что-нибудь про работу, и я отвечала, и он слушал так, будто ему действительно было интересно, а не так, будто он проверяет, не совру ли я.

Однажды утром я нашла на подоконнике в своей комнате живое растение. Маленькое, в глиняном горшке, с толстыми листьями.

Записки не было. Я долго стояла и смотрела на него, потом поняла, что улыбаюсь, и заставила себя перестать.

К вечеру того же дня я зашла в кабинет за папкой, которую он просил отнести вниз. Дверь была приоткрыта. Я толкнула её и остановилась.

Он стоял у окна без рубашки. Спина широкая, с тёмной линией позвоночника, с теми самыми белыми полосками на предплечье, которые в сумерках казались почти светящимися. На левом плече, чуть ниже лопатки, был длинный шрам — не от ожога, от чего-то острого, зажившего неровно.

Он не обернулся. Но я знала, что он слышал, как я вошла.

— Папка на столе, — сказал он.

— Я вижу.

Я не двинулась с места. И он наконец обернулся.

Между нами было четыре шага. Я знала, потому что посчитала их, пока смотрела на его руки.

— Валерия.

— Да.

— Вы за папкой или за чем-то ещё?

Вопрос был простой. И честный. И от него у меня пересохло во рту.

— Я не знаю, — сказала я.

Он подошёл. Не быстро. Так, будто давал мне время отступить. Я не отступила.

Остановился на расстоянии вытянутой руки. От него пахло чем-то тёплым, древесным, и ещё — тем самым чаем, который он заваривал, когда я болела.

— Если вы сейчас уйдёте, — сказал он тихо, — я не буду вас догонять.

— А если не уйду?

— Тогда я перестану притворяться, что умею держаться.

Я подняла руку и коснулась шрама на его плече. Кожа была тёплой, шрам — гладким, как воск.

Он закрыл глаза. Всего на секунду. Потом перехватил мою руку и отвёл её вниз.

— Не здесь, — сказал он. — И не так.

— Как?

— Не потому, что вы должны.

Он отпустил мою руку и отошёл к столу. Взял папку и протянул мне.

— Отнесите вниз. Кирилл ждёт.

Я взяла папку. Пальцы не слушались.

— Вы невозможны, — сказала я.

— Знаю.

Я вышла. В коридоре прислонилась спиной к стене и стояла так, пока не перестало колотиться сердце

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.